



РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: ЧТО ПРОИСХОДИТ И ЧЕГО ЖДАТЬ? ДЕВЯТНАДЦАТЫЕ ГУБЕРНАТОРСКИЕ ЧТЕНИЯ Тюмень, 5 декабря 2014 г.

Тюменская областная научная библиотека им. Д.И.Менделеева,
филиал Президентской библиотеки им. Б.Н.Ельцина

Лектор — профессор географического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова, директор региональной программы Независимого института социальной политики **Н.В.Зубаревич**.

Ключевые слова: центр, регионы, региональная политика, кризис, инвестиции, импортозамещение, Тюменская область

**Губернатор
Тюменской области
В.В.Якушев**

Большинство «Губернаторских чтений» было посвящено анализу глобальных тенденций, затрагивающих и Россию в целом и нашу область в частности. У такого подхода есть свои неоспоримые достоинства: мы не раз убеждались в том, что помещение нашего повседневного политического, управленческого, хозяйственного, социального опыта в расширенный контекст позволяет по-новому взглянуть на сам этот опыт, увидеть и его сильные, и его слабые стороны.

Но иногда нужно строить ход мысли и дискуссии по-другому. Иногда нужен разговор, максимально и непосредственно сфокусированный на наших региональных проблемах, на тех вызовах, отвечать на которые в самое ближайшее время придется нам самим. Причем и без ссылок на «обстоятельства непреодолимой силы», и без перекладывания ответственности «на дядю», который якобы придет и исправит все.

Найти собеседника, способного стимулировать и поддержать такой прямой и острый разговор, было непросто. Но мы его нашли. Представляю вам Наталью Васильевну Зубаревич — профессора географического факультета МГУ, директора региональной программы Независимого института социальной политики, руководителя и участника множества исследовательских, образовательных и прикладных проектов. А главное — глубокого знатока современной жизни и реальных перспектив развития российских регионов.

Не могу не упомянуть еще одно обстоятельство. Вы знаете, что по заказу правительства Тюменской области московская Школа управле-

ния «Сколково» совместно с Тюменским государственным университетом реализует образовательную программу «Перспективы Тюменского региона: новые индустрии и кадровый потенциал». В программе участвуют представители областных органов публичной власти, вузов и промышленных корпораций. И мы очень рассчитываем, что этот проект обеспечит качественное улучшение того кадрового резерва, которым мы располагаем сегодня и на который должны будем положиться уже завтра. Так вот, по отзывам слушателей, Наталья Васильевна — один из самых блестящих лекторов, один из самых знающих специалистов и ярких полемистов, преподающих в «Сколково». В том числе и поэтому мы решили, что было бы правильно донести ее наблюдения, прогнозы и рекомендации до всей тюменской общественности. В таком расширении доступа к интеллектуальному ресурсу и состоит миссия «Губернаторских чтений».

А теперь, как всегда, короткое введение в дискуссию сделает бессменный модератор «Губернаторских чтений» Святослав Игоревич Каспэ.

**Председатель
Редакционного
совета журнала
«Полития»,
профессор
Высшей школы
экономики
С.И.Каспэ**

Наше государство устроено очень своеобразно — оно неоднородно, оно фрагментировано. Есть в нем институты и целые функциональные блоки, которые работают очень даже неплохо. Есть такие, которые работают, скажем мягко, хуже. Есть такие, которые не работают вообще, в результате чего в государственном порядке возникают «черные дыры», институциональные вакансии. Есть еще институты, которые, как в том анекдоте, не только не работают, но даже «немножко вредят», но это отдельный разговор. А держится весь этот дырявый конгломерат в том числе и на людях, которые заменяют собой — в персональном качестве — целые институты, взваливая на себя исполнение тех функций, которые вообще-то атрибутированы государству. Один из таких людей перед вами.

Прочитую слова, сказанные несколько лет назад на научно-практическом семинаре «Полития», ведущим которого я являюсь. Заседание было посвящено региональной политике; Наталья Васильевна в нем принять участие, к сожалению, не смогла, но имя ее звучало. И вот один из крупнейших и наверняка вам известных экспертов в области региональной политики, автор одного из ключевых рейтингов регионального развития произнес дословно следующее: «В федеральном центре тема регионов вообще мало кого волнует. Например, всю экономическую статистику по регионам сводит, анализирует и, главное, интерпретирует вовсе не Росстат, которому вообще-то положено этим заниматься, а ровно один человек — Наталья Зубаревич. Просто потому, что ей интересно».

Это чистая правда. Если и есть человек, способный дать ответы на вопросы, вынесенные в название сегодняшней дискуссии, то это Наталья Васильевна. Владимир Владимирович совершенно верно заметил,

что разговор намечается острый, прямой и некомфортный. И сами вопросы некомфортные, и ответы, возможно, будут некомфортными. А просто время у нас такое — некомфортное... Итак: что происходит? Чего ждать?

Н.В.Зубаревич¹

¹ Выступление Н.В. Зубаревич сопровождалось презентацией, содержащей значительный объем числового и графического материала (см. http://politeia.ru/content/files/Zubarevich_presentation.ppt#329,2), без обращения к которому восприятие текста лекции будет затруднено.

Начну с некоторых концептуальных понятий. Жизнь ведь гораздо длиннее, чем 2014 г., в ней происходит многое такое, чему, к сожалению, не учат ни в школах, ни в институтах. Если говорить в целом, то все, что касается регионалистики, в России находится в чудовищном загоне. И это в стране с самой большой в мире территорией! Потрясающе, конечно: мы до такой степени ленивы и нелюбопытны, что это порой пугает.

Прежде всего, для нас важно понимать, по каким закономерностям развивается конкретное пространство, почему оно всегда развивается неравномерно. Интернациональная команда, состоящая из нобелевского лауреата Пола Кругмана и его коллег из Японии и Латинской Америки, выделяет две группы факторов. Первая — то, что не руками сделано, что находится под землей или на земле: ресурсы (минеральные и природные), географическое положение. Последнее может быть хуже или лучше, но мы его не создавали. В российских учебниках пишут, что у всех наших регионов замечательное географическое положение... «Чтоб я так жил!» На самом деле у подавляющего большинства регионов Российской Федерации отвратительное географическое положение! Отдаленность от рынков сбыта, от транспортных коридоров — это колоссальные логистические издержки! Лишь у некоторых регионов, которые можно пересчитать по пальцам одной руки, логистика хорошая. Но это все равно сделали не мы, так природа рассудила.

Вторая группа факторов — факторы, созданные деятельностью общества, государства и человека. Первый из них называют агломерационным эффектом, или эффектом масштаба. Он присутствует в промышленности, но под ним чаще подразумевается более широкий эффект концентрации людей в городах. Его наличие способно снижать издержки и создавать различные преимущества. Следующий фактор этой группы — человеческий капитал: то, как мы учим, лечим, мотивируем, воспитываем. Общество имеет тот человеческий капитал, которого заслуживает. Еще один фактор — институты. Нобелевский лауреат Дуглас Норт называет «институтами» нормы, формальные и неформальные правила, по которым мы живем. Как они у нас устроены — то мы и имеем. Они превращаются либо в преимущества развития, либо в барьеры (последняя тенденция сейчас в Российской Федерации очевидна). К тезисам уважаемых нобелевских лауреатов я добавлю, что важна инфраструктура. В России без нее никакого развития быть не может.

Логика простая: с помощью факторов первой группы модернизация как-то не очень получается, поэтому будьте любезны двигаться в сторону факторов второй группы. В добывающей промышленности хай-тек, конечно, возможен, но им модернизация не исчерпывается.

Агломерационный эффект выражается в том, что чем больше потребителей находится в городе, тем выгоднее существовать местному бизнесу, тем больше здесь будет локализовано фирм. Чем больше фирм, тем разнообразнее продукция. Возможность выбора увеличивается, издержки снижаются. Издержек меньше — больше потребителей. Такой *perpetuum mobile* крупного городского развития работает всегда, его эффект нельзя проигнорировать, но можно существенно замедлить. Есть правило столицы нашей Родины, применимое и к стране в целом: в Москве либо некуда ехать, либо нельзя проехать. Некуда ехать — когда нет дорог, нельзя проехать — когда все стоит в пробках. Итак, два ограничителя: первый — логистический, когда территория агломерации просто не в состоянии переварить уровень концентрации населения, второй — экологический. Они оба чрезвычайно зависят от того, как власть строит городскую политику.

В 1950-е годы думали: создадим новый завод в каком-нибудь месте, вокруг него возникнет точка роста, и все зацветет. Например, на юге Италии строился какой-нибудь металлургический или нефтеперерабатывающий комбинат. Но не зацвело! Вообще на перифериях цветение как-то не очень получается. В ответ на эти ошибки прогрессистского характера в 1970-е годы сформировалась альтернативная теория, которая объясняла, что в мире всегда есть центры, обладающие набором конкурентных преимуществ. Они стягивают ресурсы и стремятся вверх, к вертикальному прогрессу, производя инновации. Если система отстроена нормально, потом инновационный поток начинает обратным ходом двигаться на периферию. Своеобразное двухтактовое развитие, работающее с временным люфтом. Но дорога для движения инноваций в такой системе обязательно должна быть расчищена! Кроме того, на гибкую зону между центром и периферией («полупериферию») могут переходить некоторые функции центра. С изменением технологий и общества центр может смещаться, предоставляя шансы другим регионам.

Однако если «дорога инноваций» не расчищена, то мы видим пухнувший от ресурсов центр и очень медленное проникновение инноваций на периферию. В Российской Федерации в объеме всех основных показателей по стране Москва и есть распухший от ренты центр. Это не только эффект масштаба: численность населения Санкт-Петербурга и Москвы отличается всего лишь в 2,5 раза, а показатели ресурсной обеспеченности в некоторых случаях разнятся на порядки или больше! И это уже действие столичной ренты, достигающей городу за счет сверхцентрализованной системы управления, причем не только власти, но и бизнеса. За редким исключением все штаб-квартиры компаний находятся в Москве, здесь решаются все вопросы. В такой системе один город собирает все преимущества, все ресурсы страны — и очень слабо отдает инновации на периферию. То есть институциональная организация в принципе неправильная. Попытка сделать Санкт-Петербург вторым центром путем перевода туда некоторых компаний типа «Газпромнефти» несколько увеличила валовый региональный продукт, доходы

населения... Но столица все равно одна, Кремль один, Белый дом один, и все вопросы продолжают решать там же, где и раньше. Просто загрузка «Сапсанов» выросла.

Теперь, когда понятно, как в целом развивается пространство, как устроена наша система и какие в ней существуют дефекты институтов, давайте посмотрим непредвзятым взглядом на дифференциацию регионов Российской Федерации. Я берусь утверждать, что бесконечные разговоры о том, какие мы неравномерные и неоднородные, в очень большой степени представляют собой аберрацию сознания.

На верхнем уровне развития находятся Тюменская область (с округами), Сахалин, выстреливший в последние несколько лет, и Москва. Внизу — такие чудные места, как Ингушетия, Чечня и т.д. Однако большая часть субъектов Российской Федерации различается между собой не так уж существенно. ВРП может варьировать примерно в два раза, но это не критично. У нас, напротив, на удивление монотонная страна.

Посмотрим теперь на другую статистику: 11% россиян живут в очень богатых регионах. В эту группу входит «большая» Тюменская область с округами. Без округов она находится среди относительно развитых регионов, в которых проживают 17% населения. То есть более четверти страны живет в регионах, которые решают свои проблемы собственными силами. 10—11% проживают в реально бедных, даже с учетом теневой экономики, субъектах: мы кормили, кормим и будем их кормить, просто потому, что надо воспроизводить человеческий капитал. Две трети населения живут в середине интервала, и никаких ресурсов центра не хватит, чтобы им помочь. Пока не улучшится качество губернаторских команд, их умение работать с инвесторами, здесь так и останется болото.

Неравенство всегда существует объективно и контролируется государством. Однако когда государство инвестирует в слаборазвитые регионы напрямую, такое масштабное перераспределение отбирает ресурсы роста у сильных и замедляет их развитие. Это цена равенства. Суть работы власти в поиске адекватных критериев адресного выбора: конечно, чрезвычайные риски неравенства надо сглаживать, но отсюда не следует, что их надо отчаянно пытаться устранить вовсе.

Социальное неравенство затрагивает доходы людей, состояние рынка труда и прежде всего доступ к социальным услугам (образованию, здравоохранению и т.д.). В этих областях его надо смягчать обязательно. Страна, которая не работает в этом направлении, обеспечивает себе большую головную боль на территориях с не очень высоким качеством человеческого капитала, утрачивает способность его воспроизводить. Но насаждение полного экономического равенства отрицательно сказывается на развитии.

Коэффициент Джини по регионам Российской Федерации прекратил расти в 2003—2005 гг., как только нефтяная рента стала достаточно высока. То есть мы фактически выравниваем экономическую

дифференциацию регионов путем перераспределения этой ренты. Различия в уровне безработицы между тем росли непрерывно и сократились только во время кризиса 2008—2009 гг. — следовательно, на рынок труда такой метод не влиял никак. Просто потому, что бизнес обмануть нельзя: он приходит в регионы с лучшими условиями для инвестирования и создает там рабочие места. Поэтому безработица в периоды экономического роста в них всегда сокращается быстрее. С другой стороны, во время кризиса ситуация в них ухудшается стремительнее. Что ж, экономическим «дистрофикам» плохо всегда — и во время роста, и во время падения. Как мы знаем, на «кладбище» все спокойно, причем постоянно.

Рассмотрим второй, социальный, компонент неравенства. Вследствие интенсивного перераспределения нефтегазовой ренты постепенно смягчалось межрегиональное неравенство по доходам, особенно с начала 2004 г. и в 2005 г. Бедные регионы живут на трансферты, а трансферты были, есть и будут. Те же, кто реально зарабатывал, в кризис столкнулись с проблемами. Гораздо медленнее, но все-таки шло выравнивание по заработной плате. Происходило и смягчение неравенства по уровню бедности.

Да, мы молодцы, мы постепенно выравниваем межрегиональное социальное неравенство, это правильно. Вопрос в том, насколько эффективны затраты, уходящие на эти цели. У меня есть и вопросы к экономическому выравниванию: складывается ощущение, что в более развитых регионах возможный рост подавлен слишком сильным перераспределением нефтегазовой ренты.

Вот карта регионального неравенства Китая, например. Впечатляет, да? Однако Китай жив и развивается! Государственная Дума постоянно обсуждает проблемы неравенства, экономический блок правительства тоже регулярно охватывает желание что-нибудь «выровнять». Однако в экономике и сейчас практически нулевой рост, который в случае увлечения выравниванием может остановиться совсем. Давайте наконец признаем, что мы страна догоняющего развития! Если постоянно «придушивать» сильных, развития вообще не будет — ни догоняющего, ни какого-либо другого.

Прежде чем перейти к разговору непосредственно о Тюменской области, скажу несколько слов о том, какой характер в России имеет региональная политика. У нее всего три приоритета: первые два, как было сказано, *рыночный* и *выравнивающий*. Но рыночный у нас искажен. Он ведь совершенно не обязательно подразумевает учреждение каких-то «особых зон» или наделение особыми конкурентными преимуществами. Если кто-то конкурентен и эффективен, просто не надо у него отбирать сверх меры, и все. Мы должны давать развиваться сильным, за счет них растут экономика страны и доходы бюджета. Перераспределяя доходы, мы должны помогать только социально слабым. Правильная цель региональной политики — не в поддержке слабых регионов как административных единиц, а в поддержке их населения. Это большая разница.

Выравнивающий приоритет в Российской Федерации остается доминирующим. Чем больше рента, которую мы получаем, тем сильнее страсть к выравниванию. Здесь, безусловно, есть политический подтекст, поскольку наша страна огромная, полисубъектная. Однако такая политика обходится очень дорого, поскольку, в отличие от социального выравнивания, не работает таргетированно. Деньги уходят в регионы, а потом мы видим то, что происходит в Чечне, Дагестане — и далее по списку, снизу вверх. Длительное время среднедушевые доходы населения Чечни, например, были примерно на 15% выше среднероссийских. И что?

Третий приоритет — *геополитический*, что в современном мире редкость. С 2013—2014 гг. он стал доминировать. Если раньше мы поддерживали по этим мотивам только Курилы, Сахалин, Дальний Восток, то сейчас добавили к ним и Северный Кавказ, и Крым. Ну да, власть избрана нами, и она вправе принимать такие решения. Но надо понимать, что геополитически мотивированное выравнивание — самое дорогое. То есть в региональной политике мы идем самыми затратными и наименее эффективными путями. Как человек с экономическим мышлением, я с этим согласиться не могу.

Говоря о Тюменской области, попробую встроить ее развитие в контекст процессов, происходящих на уровне страны. Будет сказано немало добрых слов, потому что в вашем регионе многие показатели находятся на объективно высоком уровне. Однако поделюсь и некоторыми сомнениями.

С.И.Каспэ задал вопрос: «К чему готовиться?». Попробую ответить. Страна пережила долгий и тяжелый период депопуляции. Сейчас говорят, что все стало отлично: при помощи материнского капитала удалось, во-первых, сократить депопуляцию, во-вторых, кое-где достигнуть прироста населения. Однако по данным двух последних лет тенденция к депопуляции Центрального, Северо-Западного регионов и половины Поволжья сохранилась. Улучшилась ситуация в Сибири, в меньшей степени на Дальнем Востоке. Материнским капиталом была увеличена рождаемость прежде всего там, где она и так была не маленькой, — на Северном Кавказе. В Тюменском регионе устойчивый «плюс». Вы как истинные сибиряки поддержали демографический рост — в том числе потому, что население у вас в среднем более молодое, следовательно, обладает некоторым резервом в этом отношении.

Вопрос в том, насколько долгосрочна такая тенденция. Сейчас рождает поколение 25—30-летних, за ним следует поколение, которое меньше по численности на треть. В результате произойдет серьезный спад — в соответствии с возрастной «пирамидой», с которой ничего не сделаешь. Поколение родившихся до войны доживает свое, за ним на очереди стоит поколение, в полтора раза большее по численности. Поэтому к началу 2020-х годов нас неизбежно ждет сильная депопуляция, вызванная естественной убылью населения.

Пик количества трудоспособного населения был достигнут в середине 2000-х годов. С тех пор оно устойчиво сокращается везде, включая

Тюменскую область, где ситуация все-таки лучше среднего уровня. Запас прочности есть, но небольшой. Что будет дальше? Что мы можем сделать? По прогнозам Росстата, численность населения трудоспособного возраста к началу 2020-х годов сократится как минимум на 8 млн. человек. Чтобы остановить этот процесс, Российской Федерации необходимо иметь положительное годовое сальдо миграции («прибыло минус выбыло») в 600 тыс. человек. Если население в трудоспособном возрасте уменьшится на 14 млн. человек (10% от населения страны), плюсовая миграция должна составлять 200 тыс. В прошлом году она достигла 290 тыс., в этом — примерно 250 тыс.

Лидеры по миграции очевидны — это Москва с областью и уже догнавший их Санкт-Петербург. Тюменская область находится в плюсе за счет казахстанской миграции конца 1990-х и миграции 2000-х годов. В прошлом году сюда прибыло 17 тыс. человек, показатель прироста на тысячу населения тоже весьма позитивный и устойчивый. Пока регион притягивает миграцию, в условиях резкого сокращения молодого трудоспособного населения надо утроить усилия, чтобы поддержать тренд — ведь прибывает в основном молодежь. Для этого нужно вводить специальные программы, поскольку рост производственных мощностей рано или поздно упирается в вопрос о том, кто будет их обслуживать.

Каково качество населения Тюменской области? По структуре взрослого городского населения регион показывает хороший баланс имеющих высшее и среднее профессиональное образование. Здесь, конечно, играет свою роль развитая высшая школа.

Экономика региона (без округов) по ВРП на душу населения развивается стабильно хорошо. Душевой ВРП выше среднего по стране в полтора раза, этому поспособствовали институциональные преобразования первой половины 2000-х годов.

По показателям промышленного роста в 2013 г. Россия вошла в стагнацию. Большинство ответственных экономических аналитиков считают, что нынешний кризис вызван совсем не Крымом, санкциями, девальвацией, падением цен на нефть и т.д. Все это — только «вишенки на торте». Проблемы возникли раньше, стагнация экономики и промышленности началась в конце 2012 г., когда рост уперся в непреодолимость институциональных барьеров. Отсутствие обеспечения прав собственности, нежелание инвестировать, неэффективные инвестиции госкорпораций — вот истинные причины стагнации, о которых нельзя молчать. При этом в Тюменской области экономический рост в январе-сентябре составил 11%! А по России — только 1,5%. Я вас поздравляю, вы молодцы. У меня только один детский вопрос: может ли ваш регион жить автономно от общестранового тренда, как будто вообще ничего не происходит?

Реплики из зала

- Да!
- Нет!
- Да!
- Нет!...

С.И.Каспэ Тут микрофон был выключен... Так вот, информирую: губернатор сказал «нет».
(Смех в зале)

Н.В.Зубаревич Да, забором не отгородишься!
По привлеченным инвестициям Тюменская область поднялась с 1,6 до 2,1% от общестрановой величины, и это хороший, «чистый» рост. При гораздо меньшем населении — такая же доля, как у Нижнего Новгорода, Башкортостана, Самары. Однако понятно, что до Московской области и Краснодарского края вам далековато. Может, Олимпиаду проведете?

С.И.Каспэ Губернатор сказал «нет»!
(Смех в зале)

Н.В.Зубаревич Как развивались российские регионы не в последний год, а в долгосрочном срезе? Могу сказать, что уровень инвестиционной активности Тюменской области стабильно высокий. Естественно, в 1999 или 2001 г. никаких особых инвестиций не было. Настоящая жизнь началась с 2005 г. В лидерах статистики нефтегазовые регионы, федеральные города со своими агломерациями и места пафосных событий типа Универсиады и Олимпиады. Даже без всех этих преференций, без суперагломерации и супердобычи (сама Тюмень все же добывает не так много), без олимпиад и универсиад регион все равно находится вверху таблицы. То есть сделано действительно многое.

Уровень инвестиций на душу населения в отношении к среднему уровню по Российской Федерации очень высокий. Если 55% регионов все еще не преодолели кризисный 2009 г. и по объему инвестиций так и не достигли уровня 2008 г., то в Тюмени все оказалось в порядке. Был могучий 2013 г. В 2014 г., правда, происходит спад; возможно, это эффект сверхвысокой базы.

Рецессия в инвестициях в стране уже очевидна и полностью оформилась. Скажу одну печальную вещь: мы можем еще долго петь про паровоз (который «вперед летит»), про импортозамещение и модернизацию, но если показатель роста инвестиций отрицательный, это все невозможно. Поможет ли в случае чего Тюменской области федеральный бюджет?

С.И.Каспэ Губернатор сказал «нет».
(Смех в зале)

Н.В.Зубаревич Расклад инвестиций из федерального бюджета за 2013 г. таков: в лидерах Краснодар, Москва, Московская область (ЦКАД, понятно), Дагестан (не пугайтесь, там всего-навсего за бюджетные деньги строят гидроэлектростанцию!). Тюмень здесь вообще не видна.

Теперь о рисках. Спад в строительстве в январе—октябре 2014 г. составил 3%. А в Тюменской области, после бешеного рывка 2013 г., —

минус 14%. Ввод жилья в России еще растет (25%), а в Тюменской области — 17%. Почему так? Потому что опять работает эффект базы: в 2009—2010 гг. почти ничего не строили, потом начали, а инвестиционный цикл в строительстве — как раз два-три года. Поэтому и вышли в 2014 г. на шикарный результат. Тюмень — абсолютный чемпион Российской Федерации по вводу новой жилой площади на душу населения. Даже Московская область, в которую инвестирует вся страна, ниже по этому показателю, потому что в нее инвестируют только богатые. Однако в долгосрочной перспективе будет происходить одновременно снижение и платежеспособного спроса, и численности «детородного поколения». Так что — не превратился ли ваш рынок жилья в «пузырь»? Хочу вас предупредить о такой опасности.

Структура занятости в регионе трансформируется. Фактически Тюменская область, Татарстан, Белгородская область, Калининград и, конечно, Калуга начали новую индустриализацию, и у вас уже получилось продвинуться по этому пути.

Как и в России в целом, 62—63% населения в регионе работает в секторе услуг, в который произошел сдвиг от промышленной занятости советского периода. Как честный эксперт предупреждаю: назад уйти очень сложно. В условиях стремительного сокращения численности трудоспособного населения Тюмень, как и Калуга, рано или поздно упрутся в проблему нехватки кадров для индустрии. Только из Тольятти-то к вам не поедут, а в Калугу поехали!

Реплика из зала

К нам из Кургана приедут.

Н.В.Зубаревич

Хороший вариант, я с ним полностью согласна. Курган вообще не вылезает из депрессии.

Реплика из зала

А еще Таджикистан есть.

Н.В.Зубаревич

Верно. Таджиков просто надо учить навыкам работы на конвейере, но это уже делается, это вопрос ближайших лет.

Учитывая сложную ситуацию в экономике, хочу спросить: задействует ли регион ресурсы занятости в малом предпринимательстве? У вас только 19% работников заняты в малом бизнесе. Здесь надо работать жестче, активнее. В некоторых регионах с такими федеральными структурами, как налоговая, пожарная службы, различные «надзоры», как-то сумели найти общий язык. А вы?

Хотя страна вступает в полосу экономического кризиса, в большинстве субъектов Российской Федерации массового роста безработицы не произойдет. Бизнес и власть в целом научились совместно решать локальные проблемы. Залить деньгами, как в 2009 г., уже не получится, поэтому увольнения неизбежны. Однако, учитывая чрезвычайно низкий уровень безработицы в стране, я полагаю, что грядущий кризис не создаст больших проблем с занятостью.

Теперь поговорим о доходах населения. «Жирное» время, начавшееся в 2000-е годы, когда народ богател и потому был совершенно спокоен, заканчивается. По статистике, осенью 2014 г. в России ежемесячные индикаторы заработной платы стали снижаться. С одной стороны, в результате уменьшается нагрузка на бюджет, с другой стороны, общее напряжение нарастает. Динамика Тюменской области хуже средних показателей по России, однако с точки зрения доходов населения у нее есть запас прочности, поскольку в регионе отношение среднедушевых доходов к прожиточному минимуму в три с половиной раза выше, чем в среднем по России. У меня, впрочем, нет ответа, кто тяжелее воспринимает остановку роста или даже снижение доходов: те, кто привык экономить, или те, у кого успел хотя бы чуть-чуть приподняться уровень потребления, а теперь придется возвращаться назад. Народ уже перешел от стратегий выживания к стратегиям развития (инвестициям в образование детей, в свое здоровье, в рекреацию). Как он воспримет обратный переход, надо спрашивать социологов.

За 24 постсоветских года мы с вами достигли фактически латиноамериканского уровня неравенства по доходам. Вместе с тем есть ощущение, что такой уровень неравенства стал людям привычен и даже его дополнительное усугубление не вызовет негативных реакций. Так ли это — опять же вопрос к социологам, но властям я настоятельно советую периодически замерять остроту этой проблемы.

В частности, для Тюменской области внутрирегиональное неравенство является реальным вызовом. Пропорция отношения 10% населения с самыми высокими доходами к 10% населения с самыми низкими доходами — 20 к 1! Это цена роста и развития, в условиях которых прежде всего увеличиваются доходы верхней прослойки населения. Могу вас успокоить: в Москве эта пропорция составляет 28 к 1, а в начале 2000-х годов достигала 50 к 1! Ничего, как-то выжили...

Благодаря перераспределению ренты, которое мы наращивали год от года, возникла ситуация, когда почти каждый пятый рубль доходов населения — та или иная социальная выплата. Столь сильная зависимость от бюджета влечет риски. Но в Тюмени они слабее, потому что бюджет большой и доля пособий в нем значительно ниже средней по стране.

Хочу отдельно поинтересоваться: каким образом в регионе удалось добиться значительного сокращения сектора теневой экономики? 26% доходов, проходящих по статистической рубрике «другие», — это для России фантастически мало! Вы такие честные — или такие хитрые?

Стоит ли бояться рисков, с которыми сейчас столкнулся федеральный бюджет? Да; но не прямо сейчас. На данный момент доля нефтяных доходов превысила 50%, кроме того, ожидается новый перенос акцента с экспортной пошлины на централизованный НДС (налог на добычу полезных ископаемых). Это тяжелый маневр, и регионы, и потребители будут чувствовать себя не очень комфортно. Но мы должны понимать, что то, чего мы сейчас боимся (падение цен на нефть и

обесценивание рубля), — две угрозы, исходящие из одного источника и одновременно компенсирующие друг друга. С каждым долларом падения цены на нефть российский бюджет теряет 90—100 млрд. рублей, но за каждый рубль падения курса относительно доллара приобретает 200 млрд. Поэтому бюджет пока балансируется. Наши рубли останутся с нами, вопрос в том, что на них можно будет купить. Вы куда любите ездить? Таиланд? Италия?..

Реплика из зала

На озеро Тараскуль!

Н.В.Зубаревич

Ну и славно. У вас, по-моему, есть овчинное производство — значит, и своя выделка будет! Только полное самообеспечение!

Замечу, кстати, что 80% нового оборудования, которое устанавливается в России, — импорт. В сельском хозяйстве ситуация еще сложнее (все, что касается элитных семян, чистопородного скота и проч.), и я не очень понимаю, как можно все это мгновенно реформатировать — при общем спаде инвестиций! Так что с импортозамещением будут большие проблемы.

Каковы отношения между центральным и региональными бюджетами? Мы живем в стране с чудовищно искривленной налоговой базой. Как выходить из этой проблемы? Децентрализация, о которой много говорят мечтатели, — не выход, она просто невозможна. 28% всех налоговых поступлений в федеральный бюджет идет от Ханты-Мансийского автономного округа, от его НДПИ. 28%! 16% — из Москвы (НДС). 10% дает Ямал, 5% — Петербург, по 4% — Московская область и Татарстан. Суммарно — 67%. Всех остальных — и вас в том числе — просто не видно, центр от них не зависит.

Кстати, в порядке шутки: знаете ли вы, что по официальной статистике 20% промышленности Москвы составляет добывающая, 99,9% которой нефтегазовая? В результате 14—15% всей добывающей промышленности России приходится на чудесный город Москву, весь, стало быть, заставленный качалками, вышками с факелами и т.д. Конечно, это не реальность, а эффект локализации налоговых выплат. Вторая позиция у ХМАО, третья — у Ямала, четвертая — у Санкт-Петербурга («Газпром-нефть»). Замечательно! Причем, если в федеральном бюджете возникнут какие-то проблемы, их опять же переложат на регионы-«кормильцы». Так что вам не надо спешить войти в их ряд...

Что происходит с региональными бюджетами? В 2013 г. их довели до критической несбалансированности. Вырос налог на прибыль, и федеральный центр решил сэкономить на трансфертах. В 2014 г. ситуация с трансфертами поменялась, а поступления от налога на прибыль тоже пошли вверх за счет первой волны импортозамещения. Но дотации на сбалансированность выдаются так, что не сыскать концов принятия решений. Мотивы и механизмы вспомоществования регионам, оказавшимся в сложной ситуации, покрыты институциональным мраком. Ясно одно: обычный губернатор должен почти безвы-

лазно сидеть в Москве, ходить по кабинетам и «выбивать, выбивать, выбивать»...

Но надо иметь в виду: все субсидии и программы софинансирования совершенно точно будут сокращать. И надо подумать, стоит ли продолжать играть во все эти игры, писать тонны документов, чтобы в результате получить усыхающие субсидии. Что касается Тюмени и ее бюджета, то меня чрезвычайно интересует видный на графиках феномен, который я назвала «тюменские горки». В регионе все шикарно, но в первом полугодии 2013 г. доходы консолидированного бюджета падают аж на 30% (Россия в целом — плюс 1%), а в первом полугодии 2014 г. подсказывают на 48% (Россия в целом — плюс 9%) за счет двукратного роста поступлений от налога на прибыль. Где бюджетная стабильность? Как можно рухнуть на 30% и тут же подпрыгнуть на 48%?

Реплика из зала

А там переплата была...

Н.В.Зубаревич

Понятно. То есть вы — как Мордовия: у них в начале года всегда происходит переплата в 5—7 раз, которая потом возмещается из регионального бюджета. Честно сказать, мне это очень не нравится: так развитие не стимулируют.

В Тюменской области происходят феерические скачки поступлений от налога на прибыль. Если бы вы были Сахалином, я бы это поняла: у Сахалина по газовым проектам действует соглашение о разделе продукции. Там на первых стадиях реализации проектов платится только роялти, а потом вдруг появляется гигантская прибыль. У вас СРП нет. Такие скачки в структуре доходов просто пугают, поскольку могут быть восприняты как симптом нестабильности.

Еще раз: чем в этом отношении Тюменская область отличается от всей страны? В 2013 г. налог на прибыль обеспечил 52% регионального бюджета, тогда как другие регионы его постепенно теряли (в среднем он дал им 21% бюджетов). Базовым стал налог на доходы физических лиц — 31% (у вас — 20%). Понятно, что у вас большая прибыль, потому НДФЛ таким могучим не был. Но дальше еще интереснее: 2014 г., по первому полугодию у вас налог на прибыль дал 68%! Я знаю только один год и только один регион, в котором что-то подобное случилось: Москва, 2006 или 2007 г., когда была последняя проплата ЮКОСа перед его уничтожением. Тогда доля налога на прибыль была 65%. Во все остальные годы — 43—45% максимум. Вы что, лучше Сахалина даже без соглашений о разделе продукции?

С.И.Каспэ

Губернатор сказал «да».
(Смех в зале, аплодисменты)

Н.В.Зубаревич

Я все равно докопаюсь!
Итак, будет ли помогать федеральный центр, сворачивающий объемы трансфертов? Все ли у вас хорошо? Могу вам сказать, что таких

гибких, как вы, почти нет. Я понимаю, что у вас изъяли НДС: сначала дали, потом изъяли. Но чтобы помогли так, как вам, — это уникальный случай. Вам не помогают, когда у вас все в порядке. Но когда у вас возникает институциональная проблема, а она возникла в связи с изъятием НДС в федеральный бюджет, вам очень прилично помогли. Я рада за вас, но уверяю, никому так не помогали, кроме Татарстана. Из чего я делаю вывод, что возможности донесения своей позиции до центральных властей у губернатора очень высокие. Я аккуратно выразилась?

(Смех в зале, аплодисменты)

На самом деле все мы попали в ловушку ни с чем не сообразного роста социальных расходов. Бюджеты регионов перегружены. Доля социальных расходов в 2013 г составила 61%, в первом полугодии 2014 г. — 65%, в двух третях регионов еще выше. Свердловская область — 76%, Пермский край — 75%, Челябинская, Саратовская, Оренбургская области, Чувашия — 73%. Я с ужасом смотрю на эти цифры, это безумие, мы же в кризис вступаем! Вот так мы распределяли нефтяную ренту. Я считаю, что это очень большой риск для всех регионов. В Тюмени все гораздо мягче, потому что огромная часть расходов идет на национальную экономику: это поддержка инвесторов, дороги, транспорт и далее по списку. Вопрос: вы сможете дальше продолжать такую политику? Насколько она эффективна?

Сначала я думала, что вы экономите на социальной политике, так как доля расходов в Тюменской области по этим статьям составляет всего лишь 50% (2014 г.). Вы, Чукотка и Сахалин — три орла, у которых 50%. Но когда я пересчитала «душовку» правильно, не через индекс бюджетных расходов, то поняла, что у вас расход в реальном исчислении больше среднероссийского, — никаких претензий. Следовательно, затраты в регионе на социальную политику находятся выше среднероссийского уровня, просто большой бюджет помогает. Отлично!

У меня осталось два вопроса. Если у вас все так шикарно, как же вы в 2013. г. влетели в бюджетный дефицит в 25%? Когда в Сколково я об этом спросила, один ваш сотрудник гордо сказал: «А у нас была заначка, мы все покрыли». Замечательный ответ! Главное, понятный. И второй вопрос: в 2014 г. вы «в шоколаде», профицит 31%. Да еще ваш долг стремится к нулю. Как это вообще возможно? Таких регионов больше нет. Вы загадочные, вы удивительные, и мне очень интересно с вами поговорить. Спасибо за внимание.

С.И.Каспэ

Вторую часть «Губернаторских чтений» я почти всегда открывал фразой: «А теперь — тюменский взгляд на обсуждаемые проблемы». Сейчас ее придется несколько скорректировать, потому что основная лекция тоже может быть названа «тюменским взглядом». Дело в том, что и в Москве, и в стране все знают, что профессор Зубаревич всегда играет на стороне регионов. В федеральном центре ее за это ненавидят — но и обойтись без нее не могут. Так что сейчас мы просто продол-

жим знакомство с тюменскими взглядами на перспективы регионального развития.

**Руководитель
экспертной
группы Агентства
стратегических
инициатив,
депутат Тюменской
областной думы
О.Л.Чемезов**

В Агентстве стратегических инициатив я как раз и занимаюсь привлечением инвестиций в основной капитал. Хочу сказать, что институциональная активность и эффективность региональных органов власти чрезвычайно высоки. Сейчас объем полученных инвестиций превратился чуть ли не в главный критерий оценки работы губернаторов, и это правильно. Но не стоит фетишизировать именно иностранные инвестиции. Ведь около половины как бы «иностраных» средств на самом деле приходит из офшоров, и их «зарубежность» вызывает вопросы. Поэтому надо больше внимания уделять собственным, внутрирегиональным и внутристрановым, инвесторам.

Спад в строительстве напрямую связан с уровнем потребления. Снижение инвестиционной активности в строительстве — тот самый индикатор, который говорит, что потребительские возможности населения уменьшаются, и надо думать, как их повышать. Механизмы ипотеки и кредита недостаточно действенны, поскольку закредитованность граждан и так высока.

Структура расходов нашего консолидированного бюджета дифференцирована. Примерно 50% в ней занимают отрасли национальной экономики, например жилищно-коммунальное хозяйство. То есть, несмотря на стопроцентное исполнение социальных обязательств, бюджет обладает мощным резервным ресурсом. Это — залог «мягкой посадки» в случае кризиса. Там, где структура расходов не столь сбалансирована, кризис будет жестким.

В дефиците бюджета нет ничего страшного. Многие псевдофинансисты кричат: «Дефицит, дефицит, ужас, ужас!». А что такое дефицит бюджета? Это две потрясающих возможности. Первая — оперативное управление дополнительными доходами. Не надо стесняться прогнозировать скупо — зато потом получится оперативно что-то распределить. Когда есть дефицит, ты сразу понимаешь, куда надо будет направить то, что у тебя, может быть, появится. А не появится — ну, значит, не отправишь, никаких проблем. Вторая возможность — управление издержками. Как раз в этом дефиците находится то, от чего можно быстро отказаться. Что такое кризис для бизнеса? Необходимость управления издержками. Когда ты попадаешь в ситуацию снижения продаж своей продукции или услуги, то первое, с чего ты начинаешь, — управление издержками. Так стимулируется администрирование бизнес-процессов, коммунальной сферы, энергетики, поощряется рост эффективности и снижение затрат. В этом отношении характеристики областного бюджета радуют. Его качественная подготовка позволит вовремя сориентироваться при возникновении любой критической ситуации.

Около 40% населения области работает в отраслях, не связанных с «социалкой»: в сельском хозяйстве, в добыче полезных ископаемых,

в обрабатывающем производстве, энергетике, строительстве. Они образуют тот человеческий потенциал, который в случае чего будет перетекать из одной отрасли в другую. В торговом секторе региона занято 15% населения, в сфере операций с недвижимостью — примерно 7%. Это 22% высокоподвижных людей, это питательная среда для малого бизнеса.

Относительно замечания Н.В.Зубаревич о теневой экономике скажу... то, что могу сказать. Борьба с теневой экономикой, понятая как самоцель, снижает эффективность предприятий. Предприятие, доплачивая работнику до 70% «серыми методами», сохраняет рабочие места, производит больше продукции или услуг. Кроме того, поддерживается покупательная способность населения. Разумеется, это связано с непосильной налоговой нагрузкой на малые и средние предприятия. Ну так нужно с ней что-то делать!

Когда Н.В.Зубаревич говорила о необходимости государственной политики поддержки сильных регионов, я подумал, что этот тезис хорошо проецируется на политику региона в отношении поддержки муниципалитетов. Муниципалитеты работают эффективно там, где кадровая команда хорошо управляется с финансами, создавая очаги возбуждения и роста экономики. Вот такие кадровые команды и надо поддерживать.

**Председатель
Тюменского
областного
отделения
«Опоры России»
Э.З.Омаров**

Я впервые в жизни услышал эксперта высокого уровня, который не путает и не смешивает малый и средний бизнес! Это абсолютные разные сферы, с разными подходами к бизнесу, с разными социальными эффектами, и разные люди этими видами деятельности занимаются. Добавлю, что программы господдержки тоже неплохо бы не путать с программами развития. Господдержка включает в себя определенные формы финансирования, и все. Развитие же — это законы, инфраструктура, программы лояльности, которые способствуют тому, чтобы предприниматель занимался свойственной ему деятельностью, а не бегал по административным инстанциям.

Складывается ощущение, что большинство руководителей регионов хотели бы помочь развитию бизнеса, но не знают как. Меньшая часть, впрочем, и не хочет помогать, потому что считает, что бизнес вообще не нужен или даже мешает, путается под ногами у власти. К счастью, в Тюмени дело обстоит иначе, реальная помощь есть.

Сегодня много говорилось о высоких показателях, которые демонстрирует Тюменская область. Секрет очень прост. Наш губернатор хорошо разбирается в вопросах бизнеса и тесно коммуницирует с его представителями. Одна из последних новаций — нам, «Опоре России», поручили провести конкурс среди руководителей контрольно-надзорных органов на лучшую работу с предпринимательским сообществом. Они страшно удивились — что, сами же предприниматели нас оценивать будут? Именно так!

Недавно среди предпринимателей небольшого города Ялуторовска был проведен интересный опрос: «Кто играет наиболее значимую роль в вашем развитии?». Большинство выбрало две позиции: «мы сами» и «глава территории». То есть существует четкое понимание важности лидера — и в тандеме с ним мы, бизнес, можем сделать гораздо больше, чем порознь.

Говоря о консолидации общества, мы должны понимать, что в большинстве регионов страны у бизнеса и контрольно-надзорных органов объективно разные точки зрения на то, что правильно, а что неправильно. Пока они не придут к единому знаменателю, успеха не будет. Необходима консолидация бизнеса, власти и контрольно-надзорных органов в решении самой главной задачи — повышения качества жизни.

**Доцент
Финансово-
экономического
института
Тюменского
государственного
университета
Т.В.Погодаева**

Н.В.Зубаревич затронула очень важную проблему: угрозу сокращения трудоспособного населения Тюменской области и вытекающую отсюда необходимость повышения производительности труда. В своем докладе я остановлюсь именно на ней. Динамика численности трудоспособного населения зависит от демографических трендов и миграционного прироста.

Благодаря высокой рождаемости Тюменская область с 2006 г. обеспечивает положительный естественный прирост населения. Согласно расчетам, в том числе и Натальи Васильевны, эта демографическая волна должна была закончиться к 2010—2011 гг., когда в активный репродуктивный возраст вступила малочисленная группа рожденных в 1990-е годы. Однако Тюменская область продолжает демонстрировать позитивные тенденции: коэффициент рождаемости достаточно высок.

Необходимо взглянуть и на миграционные процессы. Миграционный прирост в Тюменской области начиная с середины 2000-х годов устойчиво положителен, непрерывно ускоряется и на 77% состоит из трудоспособного населения.

Растет доля межрегиональной миграции: Тюмень становится «пылесосом», собирающим трудовой ресурс. Доля мигрантов из стран дальнего зарубежья также увеличивается. Труд мигрирует за капиталом, и эта миграция прямо пропорциональна росту инвестиционной привлекательности региона.

Половозрастная структура Тюменской области более равномерная, чем средняя по России, поэтому демографические риски (в том числе риски депопуляции) относительно низкие. По прогнозу, который подготовлен Росстатом по итогам переписи 2010 г., в Тюменском регионе численность населения практически не изменится, но есть вероятность сокращения трудоспособной доли. Я не оспариваю прогноз, однако он не учитывает наших демографических и миграционных трендов последних четырех лет. Мой собственный прогноз, сделанный на основе метода демографических передвижек возрастных групп

(и учитывающий данные последних четырех лет), показывает, что к 2030 г. численность трудоспособного населения, наоборот, увеличится — примерно на 7%.

Следующий параметр человеческого капитала — качество. В нашем регионе очень четко задан тренд на новую индустриализацию. За последние пять лет увеличились объемы промышленного производства, появились абсолютно новые его виды. Намечена цель создания в Тюмени центра инженерно-технических компетенций, формирования инженерных кадров. Конечно, тут есть и свои предпосылки, и свои ограничения. Но в числе предпосылок — появление в Тюмени новых видов бизнеса, нуждающихся именно в инженерных кадрах, и это объемный факт.

Мне кажется особенно важной в этом контексте позиция региона по отношению к талантливой молодежи. Где поставить запятую в предложении: «Отпустить нельзя оставить»? По моему опыту, молодежь, которая уехала за пределы региона, лишь в незначительном количестве возвращается в Тюмень (только 5—7%). Поэтому нужно создавать условия для ее развития внутри области, для обучения ее компетенциям, соответствующим региональным потребностям. Даже для тех, кто хочет уехать, есть федеральные программы (например, «Глобальное образование»), способствующие комфортному возвращению домой.

**Свободный
микрофон**

Доцент Тюменского государственного университета С.В. Расказов: Миграция в Тюмень происходит потому, что город является «внешней столицей» северных округов. 30% студентов из группы, в которой я преподаю, приехали с Северов. Многие затем остаются. Оседанию мигрантов способствует и географическая специфика: западная граница области проходит всего в 30 км от Тюмени, поэтому сюда активно мигрирует население естественно тяготеющих к нам районов Свердловской области. Если бы границы находились дальше, показатель был бы стабильным, а так получается прирост.

Преподаватель Тюменского государственного университета Г.Ш. Аитова: Складывается впечатление, что два важных понятия — «социальная справедливость» и «экономическая эффективность» — лектор разводит. Слово «социалка» звучит как досадное бремя; вопрос о человеческом капитале, развитии человеческого потенциала стал служебным компонентом экономического развития регионов. Но ведь именно социальная сфера, человеческий потенциал являются тем мотором, который способен вытянуть экономику!

Зам. председателя Тюменской областной думы В.В. Сыроев: Пострадает ли Тюмень в ситуации кризиса? Возможно ли изъятие каких-то доходов из областного бюджета? Налог на прибыль дает ему 70%, половина которых приходится от предприятий Югры и Ямала.

И еще: вопрос импортозамещения уже полгода стоит в повестке дня. Возможно ли оно в России?

Директор завода «Polla» В.М.Коряков: Происходящее ужесточение налоговых сборов с торговли, с малых и средних предприятий пополнит бюджет, но негативно скажется на развитии лидеров. Существует ли потребность в модернизации и упрощении налоговой системы? Насколько последняя сегодня эффективна?

В недавнем обращении президента к Федеральному Собранию говорилось, что ужесточения налоговых сборов в 2015 г. не планируется, что новым предприятиям будут даны двухгодичные налоговые каникулы. Хотел бы спросить В.В.Якушева: как это будет реализовано в нашем регионе?

Депутат Тюменской городской думы А.А.Чирков: Субсидии и дотации будут урезать, поэтому муниципалитетам надо задуматься о большей самостоятельности, о том, как зарабатывать в новых условиях. С чего, по мнению главного докладчика, следует начать?

Председатель совета директоров экспертно-аналитического центра «Сотрудничество» Л.С.Березин: Научная и экспертная деятельность Н.В.Зубаревич — пример ежедневного подвига. На географических факультетах вузов поговаривают, что в нашей стране вообще нет экономической географии как науки, она просто не нужна — ее полностью заменяют физическая и политическая географии. Экономическая география должна объяснять пространственную организацию экономической деятельности; однако в России она устроена чрезвычайно просто и концентрируется только в двух зонах: залегания природных ресурсов и распределения административно-политических статусов. То есть вместо экономической географии у нас процессы либо сугубо природные, либо сугубо бюрократические и/или персоналистские. Появится дельный губернатор с дельной командой, тогда что-то будет. Не появится — ну, извините! В результате две трети регионов остаются «болотом», без стимулов к развитию, без экономической перспективы, даже без поддержания минимально приличного уровня жизни населения.

Редактор журнала «Налоги, инвестиции и капитал» Т.Д.Акопянц: Что лектор думает по поводу накопленных в мировом опыте моделей региональной политики? Можно ли с помощью такого опыта решить российские проблемы?

Профессор Тюменского государственного университета С.В.Кондратьев: Показанная карта очагов экономического роста Китая напомнила мне аналогичную карту Российской империи начала XX в. Там тоже были регионы, которые активно росли, и регионы, которые никак не развивались. Видимо, и современное состояние страны

обусловлено ее имперским прошлым. Потому что когда ты начинаешь практически с нуля, то население ничего особенного и не ждет. А если у тебя был Советский Союз, то вести такую политику, как в Китае, почти невозможно. Я уж не говорю о сопутствующих явлениях, связанных с полураспадом страны...

Еще одна реплика по поводу неравенства. Есть же разное неравенство: есть арифметическое неравенство, самое простое, есть геометрическое, есть гармоническое... И вот хотелось бы гармонического неравенства: чтобы у тех, кто достоин, было больше, у тех, кто менее достоин, — меньше или ничего.

И вопрос к Н.В.Зубаревич. Вы сказали, что падение экономических показателей началось с 2013 г. (или раньше) и никак не связано ни с Крымом, ни с санкциями. Пусть так; но за любое падение ответственны люди, принявшие неверные управленческие решения. Хотелось бы узнать, какие из решений последних лет Вы считаете наиболее ошибочными?

Н.В.Зубаревич

Зачем нужны прямые иностранные инвестиции? Они приносят новые технологии, вот самый короткий ответ. Да, прибыль частично выводится. Но если вариться в собственном соку, не будет ни прибыли, ни технологий.

Спрос на жилье — точно «пузырь». Он будет сдуваться, поэтому еще раз призываю внимательно пересчитать риски. Раньше доходы устойчиво росли, поэтому персональные инвестпрограммы жителей Северов были абсолютно понятными. После сокращения доходов станет сложнее.

Я поняла, что дефицит бюджета региона носит полувиртуальный характер. Москва, стремящаяся управлять издержками, формирует бюджет точно так же. Это разумный подход: у подавляющего большинства регионов России дисбаланс расходов и доходов просто непреодолим.

Демографические передвижки можно считать, но все-таки рост численности трудоспособного населения начнется только со второй половины 2025 г. В ближайшие 10 лет будет падение. Такова жизнь; с ней нужно смириться.

Мне очень не понравилась формулировка «отпустить или оставить». У любого человека есть право решать, хочет ли он уехать или остаться. Власть не может никого «отпустить». Все, что она может, — своей политикой повлиять на свободное решение.

Я вообще не говорила о социальной справедливости. Я говорила о балансе равенства и эффективности. Поддерживать сильных не менее справедливо, чем помогать слабым.

Половина поступлений в областной бюджет от налога на прибыль приходит из Югры и Ямала... Ура! Большое спасибо, что Вы это сказали: я второй день воюю с Вашими коллегами, доказывая, что область частично живет все-таки на ренту. В России всего три подобных

субъекта: Москва (гиперрента), Санкт-Петербург (сдвиг в направлении гиперренты) и Тюмень. Она, конечно, уступает этим двум «гигантам», у вас рента скромная, работающая как «подушка безопасности». Однако поймите: любая рента развращает! И нужно быть в готовности обойтись без нее.

Импортозамещение возможно — почему нет? Легче и быстрее оно произойдет в отраслях, не требующих длинного инвестиционного цикла. Внятная перспектива, таким образом, есть у сельского хозяйства и агропрома. Но и там оно потребует 3—5 лет минимум. И мне совершенно непонятно, как в области высокотехнологичной продукции, например машиностроения, дела могут пойти в гору за пять лет, если ничего подобного не происходило предыдущие 15!

Главная функция малого предпринимательства к бюджету не имеет никакого отношения: доля поступлений от него в среднем по регионам составляет 3—4%. Малое предпринимательство — это прежде всего занятость, вот в чем его социальная миссия. У людей должна быть возможность зарабатывать деньги самостоятельно, а не стоять с протянутой рукой у бюджетной кассы.

Муниципальный уровень у нас просто разрушен, у него нет перспектив развития. В 2013 г. на федеральном уровне было принято решение о дальнейшем снижении доли налога на доходы физических лиц в финансировании муниципалитетов, то есть основного источника их доходов. Городским округам осталось 15%, муниципальным районам — 10% (с шансом добавки еще около 10%, если такое решение примут на региональном уровне). В рамках продолжающей действовать «системы Кудрина» — губительной, на мой взгляд, системы — все, что можно, отбирается у регионов и отдается на федеральный уровень. Та же модель воспроизводится в звене «муниципалитеты — регион». Как распределяются субсидии, каковы критерии субсидирования? Никто не знает. Недавно ушедший с поста губернатор Челябинской области открыто пользовался принципом «кого люблю, тому даю». И это скорее норма, чем исключение.

Есть ли в России региональная политика? Да, есть. Но... реальная политика никогда не совпадает с декларируемой, являясь равнодействующей частных интересов, над которыми еще и господствуют политические и геополитические установки. Она гибка, зыбка и удивительна, поэтому дать точное терминологическое описание ее генерального тренда я не готова.

Экономическая география в стране есть. Она просто все еще очень советская, поэтому я, например, предпочитаю называть себя регионалистом, а не экономгеографом.

Фактор губернаторских команд мне тоже кажется очень важным. Например, О.А.Чиркунов, человек из бизнеса, сформировал хорошую команду, но не сумел выстроить отношения с электоратом, хотя с точки зрения бизнес-моделей управления поступал абсолютно правильно. Пермский край — это очень слабая инфраструктура, преимущественно

старая промышленность... Неудивительно, что у Чиркунова в результате ничего не вышло.

Самое ошибочное политическое решение (с точки зрения интересов регионов) — это огосударствление бизнеса, масштабное создание госкорпораций. Из-за них прежде всего затормозился инвестиционный процесс.

Образец удачной региональной политики — это в первую очередь Китай. В его прибрежных территориях с нуля выстраивалась абсолютно четкая модель наращивания инфраструктуры и притягивания рабочей силы — за счет экспортоориентированной модели и невероятно низких издержек на логистику. С конца 1990-х — начала 2000-х годов китайцы взялись и за остальные территории. На северо-востоке были проведены санация и разгосударствление, частным компаниям дали возможность вкладываться в инфраструктуру. Произошло «рассоветчивание», улучшение человеческого капитала, переподготовка, возникли экологические программы. В масштабах России такое было бы сравнимо с полным обновлением и реорганизацией Кемерово или Кузбасса, чего как-то не наблюдается. В Китае разработаны разные программы для новых, удаленных, внутренних районов. Нет никакого тупого выравнивания. Бюджетные бонусы даются как провинциям, так и муниципальным территориям — строго по результатам деятельности. Даже в худших районах страны ищут точки с локальными конкурентными преимуществами, будь то новое месторождение, сравнительно лучшая инфраструктура или сравнительно крупный город. Инвестиции в результате локализируются там, где им самое место. Я уважаю китайцев за то, что они живут «в долгую», мыслят столетиями. Я мечтаю, чтобы подобным образом действовала и моя страна...

В.В.Якушев

Прежде всего прокомментирую оценку нашей бюджетной политики, данную Н.В.Зубаревич. Она адекватна: мы аккуратно работаем с бюджетом. Да, у нас есть налог на добычу полезных ископаемых. Да, это рента. Да, нам повезло, есть дополнительный ресурс. Ну не отказываться же от него! Мы им воспользовались достаточно грамотно, хотя и с некоторыми ошибками. На сегодняшний день регионы, обладающие гораздо более высокой рентой, залезли и в гораздо большие долги, чего в Тюмени практически нет.

Мы не увеличиваем без крайней нужды траты на социальные нужды. В других регионах решения о дополнительных социальных гарантиях зачастую принимаются наспех и необратимо, и многие мои коллеги становятся заложниками созданной таким образом ситуации. Возможность социальных взрывов надо всегда предвидеть.

С тем тезисом, что санкции стали только дополнительным фактором в развитии нынешнего кризиса, я совершенно согласен. Даже при плохо работающих институтах можно было бы лучше развиваться. В рамках наших региональных полномочий мы предпринимали пози-

тивные шаги: развивали малый бизнес, помогли большому, стремились создать нормальный инвестиционный климат... Решение последней задачи серьезно осложнили санкции, отрезав нас от финансовых рынков. Бизнес это ощущает в виде значительного повышения процентных ставок и ограничения кредитования. Невозможность получения банковского кредита лишает бизнес возможности развития и расширения. Вот главная потеря, которая неизбежно отразится на росте экономики и привлечении инвестиций.

В такой ситуации важно не останавливаться: экономический рост ни в коем случае нельзя потерять. Наша главная задача — поддержать его в ближайшие годы. Только что принятый бюджет на это и нацелен.

Больше всего от кризиса пострадают малый бизнес и люди со средними доходами, которые выплачивают сегодня автокредиты, ипотеку... Необходимо принять все меры, чтобы их поддержать. Только экономический рост позволит не уменьшать размеры заработной платы. При значительном падении доходов банки начнут рвать на части именно средний класс. Здесь невозможны системные решения, надо переходить на управление в ручном режиме. Именно сюда мы вложим имеющийся финансовый запас, хотя он, естественно, не безграничен.

Поддержание экономического роста поможет сохранить инвестиционную привлекательность региона. Если произойдет стремительное падение объема инвестиций, выкарабкаться будет уже очень трудно.

«Пузырь» ли спрос на жилье? Покажет время. Сегодня он обеспечивает значительную долю валового регионального продукта, поэтому просто так отпускать этот рынок мы не можем и не будем. Если строители не смогут достроить дома, возникнет провал в ипотечном кредитовании. Сейчас мы вводим ряд новых инструментов, чтобы поддержать такие государственные программы, как, например, «Молодая семья». Они поддержат спрос на рынке жилья.

Но поймите: мы все время стоим перед выбором. Строительство новой школы стоит миллиард рублей. Мы размещаем госзаказ, и подрядчик подтягивает еще трех субподрядчиков. Таким образом мы поддерживаем три-четыре компании и удовлетворяем нужды жителей нового района. Или же мы можем отправить этот миллиард рублей на поддержку программы «Молодая семья», где бюджетное софинансирование всего 30%. Тогда на рынке появится не один миллиард, а три-четыре. И что строить — жилье или школу? Нужно ведь и то, и другое.

В глобальной перспективе мы должны поддерживать экономический рост — если он остановится, экономика провалится так глубоко, что доставать ее оттуда придется очень долго. Сегодня нужно уметь выбирать, уметь принимать взвешенные решения, жестко считая имеющиеся ресурсы.

Несмотря на то что банковский рынок серьезно сузился и получить кредит стало практически невозможно, мы все равно поддерживаем инвестиционные агентства, кредитующие малый бизнес. Кредиты берутся под залог областного имущества и становятся «твердыми»,

на пять лет. Взятые нами под 11—12% годовых деньги субсидируются в объеме 5%, и бизнесу уже даются под 7% годовых. Мне кажется, это серьезное подспорье.

Мы особенно внимательно отслеживаем незавершенные проекты малого бизнеса, которые еще могут быть реализованы. Если допустить их срыв на высокой стадии готовности, люди потеряют вложенные деньги и встанут в очередь на биржу труда. И опять же вопрос ежедневного выбора приоритетов: либо поддерживать малый бизнес, либо наращивать программы социальной помощи...

Да, впереди достаточно непростой период. Но мы пережили кризисы и 1998 г., и 2008 г. Мы имеем опыт кризисного управления. Осознавая все существующие риски, мы тем не менее вполне осознанно планируем двигаться дальше.

Самое главное в этой ситуации — обоюдное понимание того, что делает власть и что делает бизнес. Решения должны приниматься в режиме онлайн-консультаций: даже один неверный шаг может не только привести к экономическому спаду, но и создать точку социального напряжения. Власть и бизнес должны находиться в непрерывном диалоге.

Что касается налоговых послаблений, каникул и прочего: для малого бизнеса по единому налогу на вмененный доход мы уже довольно давно поддерживаем ставку в 5%, отменять ее не собираемся и даже зафиксировать на пять лет вперед. Никаких дополнительных сборов на малый бизнес в этот период вводиться не будет. Из-за ошутимого падения спроса малый бизнес пострадает больше всего, поэтому его надо защитить. Президент объявил гарантии на четыре года, до 2018 г., то есть до конца своих полномочий. Что ж, мои полномочия только начались, поэтому я могу дать гарантии на пять лет и закрепить их законодательно.

Регламентировать кипучую деятельность контролирующих органов очень сложно. Правильнее и эффективнее было бы какие-то из них просто убрать или хотя бы сократить их полномочия. Если у контролирующей структуры есть назначенный предмет деятельности, то она будет им заниматься со всей возможной интенсивностью, как ты ни ограничивай частоту и продолжительность проверок. Мы же знаем, что всегда можно сослаться на формулировку «опасность для жизни и здоровья людей» — и зайти к кому угодно, когда угодно и зачем угодно. Тут нужны радикальные меры — и дела, а не слова. Мы в Тюмени стараемся так и работать, но не все зависит от нас.